Обзорная статья

УДК 811.111'42

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-6-20

Теория вежливости: поиски эффективной методологии исследований в зарубежной социопрагматике

Мария Юрьевна Россихина¹
Инна Ивановна Икатова²

^{1,2} Брянский государственный университет
Брянск, Россия

¹ rosmira@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5514-8219>
² Ikatova_Inna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7816-6535>

Аннотация

Представлен аналитический обзор наиболее обсуждаемых проблем, касающихся создания единого исследовательского формата для лингвистического изучения речевой вежливости. На сегодняшний день в отношении данного коммуникативного явления в европейской и американской школах не существует ни единого терминологического аппарата, ни универсальной методологии исследования: палитра современного метаязыка описания вежливости представлена в них такими понятиями, как «уместность», «поддержание лица», «конструирование лица», «гармония взаимоотношений» и т. д., а многообразии дискурсивных практик в различных культурных и социопрагматических контекстах выступает лимитирующим фактором в выявлении универсальных коммуникативных стратегий вежливости. Несмотря на значительную фрагментацию внутри направления, представляется возможным проследить общие тенденции в выборе исследовательских подходов для анализа эмпирического материала и экспериментальных данных. Прежде всего в силу многообразия периферийных семантических компонентов, привнесенных из бытовой сферы общения, лингвисты избегают использования термина «вежливость» в теоретических моделях, допуская, однако, его функционирование для опросов рядовых пользователей языка. Статус интерпретатора, степень его знакомства с локальными нормами поведения, характер деталей, выделяемых как существенные, методы сбора и представления материала, опора на оценочные интерпретации участников общения обозначены в качестве приоритетных в оценке валидности методологии исследования. Всё более значительный вес в теоретической модели отводится нормам и ожиданиям как при дифференциации (не)вежливого поведения, так и для анализа перцептивных процессов в вербальном взаимодействии. Несмотря на преобладание исследований реального функционирования языка с опорой на текст, также можно предсказать больший акцент на анализе паралингвистических средств в изучении установок речевого поведения и их мультимодальной реализации.

Ключевые слова

теория вежливости, вежливость первого и второго порядка, теория создания лица, уместность, нормы и ожидания, внеязыковые средства

Для цитирования

Россихина М. Ю., Икатова И. И. Теория вежливости: поиски эффективной методологии исследований в зарубежной социопрагматике // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 6–20. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-6-20

© Россихина М. Ю., Икатова И. И., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 6–20
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 6–20

Politeness Theory: In Search of Effective Research Methodology in Western Sociopragmatics

Maria Yu. Rossikhina¹, Inna I. Ikatova²

^{1,2} Bryansk State University
Bryansk, Russian Federation

¹ rosmira@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5514-8219>

² Ikatova_Inna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7816-6535>

Abstract

The present paper provides a review of the most discussed issues with regard to creating a universal formal approach to study the politeness theory. What we see now is the lack of a proper metalanguage, and proliferation of various theoretical approaches: the present-day terminology describing polite behavior is represented by a variety of concepts: 'appropriateness', 'saving face', 'face constituting', 'rapport management' etc. along with a great number of diverse discursive practices in different cultures makes it quite a challenge to provide a coherent overview of politeness strategies. However, despite considerable fragmentation in politeness theory research we can observe certain consistency in the chosen methods for the interpretation of empirical material and experimental data. Firstly, specialists avoid using the term 'politeness' in theoretical reasoning due to abundance of peripheral semantic components realized in the speech of language users from different cultures, and restrict its employment to the interviewing of respondents. To interpret certain behavior as (im)polite and analyze its perception, the impact of expectations and norms is increasingly taken into consideration. Although research of authentic verbal interaction based on discourse analysis is still quite common, a greater focus on paralinguistic aspects of communication can be predicted. Research findings in the politeness theory will be more and more applied to discursive practices to benefit the health and welfare of the society.

Keywords

politeness theory, politeness 1 and 2, Face Constituting theory, appropriateness, norms and expectations, paralinguistic aspects of communication

For citation

Rossikhina, M. Yu., Ikatova, I. I. Politeness Theory: In Search of Effective Research Methodology in Western Sociopragmatics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 6–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-6-20

Введение

Проблемы теории вежливости уже давно находятся в фокусе внимания исследователей различных направлений: прагматики, антропологии, этнографии, психолингвистики и многих других отраслей научного знания, изучающих человеческое общение в рамках своих специфичных проблематик. Многочисленные эмпирические наблюдения и статьи не привели, однако, к созданию приемлемого дискурсивного прототипа вежливости. Одной из причин такой ситуации является сложность и многогранность данного социального феномена, изучение которого требует различных предметных подходов и ракурсов рассмотрения. С одной стороны, подобное многообразие свидетельствует о неподдельном интересе к данной проблематике, и это можно только приветствовать. Но, с другой стороны, усиливающаяся фрагментация теории вежливости ведет к не всегда оправданному методологическому эклектизму, когда «родственные явления рассматриваются по-разному» (“they conceive of their nominally shared topic... in such fundamentally different ways”) [Craig, 1999, p. 121], приводя к необоснованной пролиферации терминологического аппарата, поскольку для многих приложение теории выливается в «пустое упражнение по лингвистической семантике» (“mere exercise in linguistic semantics”) [Terkourafi, 2005, p. 25].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы провести аналитический обзор последних наиболее влиятельных зарубежных предложений по созданию эффективной методологии интерпретации вежливого поведения и показать, что, несмотря на кажущееся отсутствие плодотворности

творного диалога между представителями различных школ, раскол в подходах к исследованию механизма функционирования вежливости как одной из характеристик межличностного общения всё же постепенно сокращается. Благодаря постоянной модификации предшествующих теоретических постулатов и положений, возникших в результате конструктивной критики, исследователь, имея в своем распоряжении целый ряд методов анализа эмпирических данных, имеет возможность выбрать наиболее оптимальный в зависимости от своих конкретных целей.

Обзор базируется на анализе более 70 статей из ведущих зарубежных изданий *Journal of Pragmatics*, *Journal of Politeness Research* и других релевантных источников за последние десятилетия. Это позволяет проследить не только процесс постепенного преодоления методологических разногласий, но и тенденции в определении основных критериев истинно научного исследования в прагматике: выдвижение на первый план качества и достоверности выводов академических трудов, тщательная аргументация выбора теоретической модели и методики получения соответствующего эмпирического материала.

Отечественная теоретическая мысль, также активно работающая в данном направлении, представлена целым рядом имен: Н. И. Формановская [2007], Т. В. Ларина [2009], Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин [2006], Т. Г. Винокур [2005] (национально-культурные особенности коммуникативного поведения и проблемы культуры речи), О. С. Иссерс [2012], В. В. Леонтьев [2016], Н. Д. Арутюнова [1985], М. К. Тимофеева [2018] (коммуникативная лингвистика и прагматика) и мн. др. Российские ученые неизменно цитируют зарубежных авторов в своих трудах, отмечая сильные и слабые стороны тех или иных теорий, поэтому обзор последних наработок в изучении данного социокоммуникативного аспекта речевого взаимодействия будет не только представлять несомненный интерес, но и сможет послужить основой для компаративных исследований в методологии российских и западных лингвистов.

1. В поисках компромисса: основные тенденции в изучении феномена вежливости

Пожалуй, ни один научный труд так широко не использовался и одновременно так жестко не критиковался в прагматических исследованиях, как теория вежливости П. Браун и С. Левинсона. Заслуга авторов признана, и она состоит в том, что они первыми выделили ряд коммуникативных стратегий, якобы обеспечивающих эффективность вербального взаимодействия, т. е. солидарность, отсутствие угрозы лицу, создание уз общности, взаимную признательность и в итоге интеракционную согласованность. Однако их теория вызвала многочисленные критические возражения, которые положили начало важным сдвигам в данной области. В частности, обвинения в этноцентризме (авторы анализировали речевые акты исключительно с точки зрения англоязычной культуры) дали толчок социолингвистическим исследованиям общения в польском, китайском, мексиканском, греческом и других языках. А игнорирование авторами, например, конфликтного поведения и их утверждение о линейном характере соответствий между вежливостью высказываний, с одной стороны, и их косвенностью, с другой, заставили лингвистов выдвинуть в качестве контраргумента понятие «невежливости», которая, как показывает дискурсивная практика, может иметь сложный механизм овнешнения именно благодаря имплицитным смыслам, важным для ее терминологического определения.

Первоначально упрощенный подход к анализу речевых актов, который ограничивался тремя переменными (социальной и психологической дистанцией, степенью импозиции и статусными отношениями) и сводился всего лишь к выявлению лингвистом-теоретиком случаев угрозы лицу и митигационных стратегий, не учитывал фактор непрерывной динамической контекстной переоценки возникающих коммуникативных смыслов со стороны самих интерактантов. Как следствие, сформировалась влиятельная группа лингвистов (ср., например,

М. Locher, R. Watts, S. Ide, K. Ehlich, S. Mills и др.), отвергавшая решающую роль исследователя в оценке степени вежливости / грубости того или иного высказывания и доказывавшая, что обосновать выбор тех или иных стратегий и объяснить свою реакцию на вербальный вклад партнера по коммуникации могут только участники интеракции. Р. Уоттс предложил также различать вежливость первого порядка (мнение о ее наличии / отсутствии в суждениях рядового носителя языка) и вежливость второго порядка (позиция ученого-наблюдателя по тому же вопросу), а также считать центральным теоретическим концептом для оценки межличностного общения не «вежливость», а «уместность» выбранных речевых стратегий и средств. Проводя границу между уместным и неуместным вербальным поведением, Р. Уоттс указывает, что первое может быть как маркированным, так и немаркированным. Немаркированное уместное поведение «не замечается» рядовыми пользователями языка (в том смысле, что оно не вызывает резкой реакции), поскольку оно ожидаемо. Напротив, маркированное поведение такую реакцию вызывает: положительно воспринимаемое считается при этом вежливым, а отрицательное – невежливым. Неуместное поведение в теории Уоттса предполагает манифестацию не только ярко выраженной грубости, но и чрезмерной вежливости [Watts, 2005].

В рамках методологической парадигмы дискурсивного подхода Дж. Илин выделил в вежливости первого порядка три ее разновидности: *экспрессивную* (она проявляется в поведении, в том числе и вербальном, явно), *категориальную* (вежливость при оценивании поведения как вежливого или невежливого) и *метапрагматическую* (сам процесс обсуждения понятия «вежливость») [Eelen, 2001]. Это позволило в дальнейшем уточнить структуру дискурсивных исследований.

Однако позже некоторые лингвисты (см. [Naugh, 2007; Terkourafi, 2005]) указали на ограниченность дискурсивного подхода, утверждая, что он сводит роль исследователя к нулю, так как тот практически вынужден согласиться с интерпретацией ситуации участниками, которые не владеют необходимым метаязыком, равно как и навыками анализа, систематизации и обобщения материала. Более того, дискурсивный подход ставил под сомнение возможность выявления каких-либо общих закономерностей в выборе и трактовке стратегий и тактик общения, достижение не противоречащих друг другу выводов, и, следовательно, создание универсальной теории вежливости.

Тем не менее, тот же М. Хо [Naugh, 2007] и другие лингвисты [Kadar, Hough, 2013] не отвергали полностью интерпретационный потенциал модели вежливости первого порядка. Они попытались детализировать составляющие аналитического процесса с целью избежать смешения абстрактных конструктов теоретического знания и бытовых представлений об интеракции, с одной стороны, и межкультурной интерференции, с другой. Опираясь на труды Дж. Илина [Eelen, 2001], они обосновали важность разграничения точек зрения адресанта и наблюдателя (“distinctions between user and observer understandings”), а также необходимость понимания того, кто является субъектом оценки и кто объектом, и степени валидности научной позиции интерпретатора, чтобы определиться, насколько она заслуживает доверия (“the directionality of those understandings and the intersubjective warrant for those understandings”). Они рекомендовали обязательно указывать и обосновывать позиции, с которых оценивается (не)вежливость коммуникантов в интеракции: самими участниками или наблюдателем, представителями одной или разных культур (групп), а также кем анализируется ее речевой материал (рядовым пользователем или ученым) и кто делает теоретические обобщения – лингвист или наивный наблюдатель, т. е. обыватель [Naugh, 2012; Kadar, Naugh, 2013].

В общем, обзор этих и других сравнительно недавних трудов по теории вежливости показывает, что зарубежные лингвисты до сих пор используют труд П. Браун и С. Левинсона, но часто вносят необходимые уточнения в соответствии с целями своего исследования. Большое внимание уделяется детальному анализу ситуативного и культурного контекстов; акцент ставится не на интерпретации изолированных речевых актов (т. е. двух реплик), а на ситуатив-

ной динамике разговора в целом, поскольку, как выяснилось, одни и те же вербальные секвенции могут менять свое значение в процессе живой интеракции [Grainger, 2018]. Если П. Браун и С. Левинсон рассматривали контекст в основном с учетом социальной роли коммуникантов, дистанции между ними и степени импозиции, что априори навязывало исследователю фиксированную интерпретацию стратегий вежливости, то на современном этапе данные факторы трактуются как переменные параметры интеракции. В частности, теория «социального конструкционизма» (social constructionism)¹ – одна из заметных попыток преодолеть доминировавший в конце XX – начале XXI в. взгляд на участников общения и ситуативные параметры как социопрагматические константы – предполагает применительно к коммуникации, что роли «определяются контекстом и конструируются в ходе интеракции» (“social roles are defined and negotiated as the interaction unfolds”) [Holmes et al., 2012, p. 1064]. В рамках этого подхода в фокусе исследования находятся не намерения говорящего, а те смыслы, которые проявляются в интеракции благодаря определенным лингвистическим и паралингвистическим средствам, используемым собеседниками. Говорящий и слушающий являются такими же динамичными параметрами, как и другие контекстные элементы речевой ситуации, поэтому понятие «лицо», ранее трактуемое как некая проекция личности, также подверглось значительному переосмыслению.

2. Понятие лица как диалектического единства личного и социального

Рассматривая вежливость в широком смысле как этическую и языковую установку на поддержание и конструирование лица в процессе общения, многие лингвисты посвятили свои труды социально значимым характеристикам человека. Впервые введенное Е. Гоффманом, у П. Браун и С. Левинсона понятие «лицо» благодаря исследованиям динамики самовосприятия интерактантами в процессе общения в различных ситуациях стало включать целый ряд граней «образа себя» (“multiple facets of the self”) [Bousfield, 2018, p. 288].

Е. Гоффман определял «лицо» как позитивную социальную ценность, которую человек стремится присвоить, приняв в определенном контакте некоторую линию поведения. Лицо – это образ себя, выражаемый «языком» одобряемых в данном обществе в целом или в определенном культурном слое социальных характеристик, хотя этот образ может одновременно проецироваться и на сообщество, к которому он принадлежит².

Однако впоследствии определения типа «позитивный» и «одобряемый», «достойный» не получили поддержки лингвистов, изучавших вербальную агрессию (см., например, [Culrere, 1996]). Кроме того, П. Браун, С. Левинсон [Brown, Levinson, 1987], Дж. Лич [Leech, 1983], рассматривая вербальное взаимодействие с точки зрения сохранения лица, проигнорировали очень важные компоненты классического определения Е. Гоффмана: непосредственность и специфичность контакта (“during a particular contact”), т. е. фактически ссылались на уникальность каждого речевого взаимодействия, а также влияние на него других экстралингвистических факторов, например социальных (“showing for his profession or religion”)³.

---

¹ Теория социального конструкционизма, возникшая в психологии (Л. Выготский, Ж. Пиаже) и социологии (П. Бергер, Т. Лукман) и позже адаптированная к другим наукам (педагогике, философии, политологии, лингвистике и т. д.), предполагает изучение постоянного взаимодействия индивида и общества, которые активно формируют друг друга.

² The term face may be defined as the positive social value a person effectively claims for himself by the line others assume he has taken during a particular contact. Face is an image of self delineated in terms of approved social attributes – albeit an image that others may share, as when a person makes a good showing for his profession or religion by making a good showing for himself [Goffman, 1971, p. 5].

³ Выдвижение на первый план в теории понятия «лицо» религиозного фактора у Гоффмана не случайно; напротив, оно чрезвычайно специфично (и важно) для католической и, особенно, протестантской пуританской англоязычной культурной ментальности, чего нельзя сказать о русскоязычной советской, антирелигиозной по своим установкам, и даже о русскоязычной до- и постсоветской.

Позже, всё больше убеждаясь, что «лицо» не существует вне широкого и узкого контекстов, и осознавая, что стратегию и тактику разговора определяют прошлый опыт коммуникантов, оценка ими ситуативных параметров, их социальные роли и статусные характеристики (подверженные к тому же влиянию сословных атавизмов), их представления о взаимных правах и обязанностях, навязанные им сверху в процессе социализации, и другие переменные факторы, исследователи выявили три вида категорий, согласно которым мы оцениваем себя и других людей. К первой категории относится группа «личных черт или характеристик» (personal), включающая в свой состав привычки, интересы, черты характера и целеполагание субъекта (его жизненные предпочтения). Ко второй категории относится группа признаков, связанных с социальными ролями индивидов (social role categories), а именно: профессиональная принадлежность, родственные связи и адекватный им тип взаимоотношений между интерактантами. Третья категория, которая получила название «групповая принадлежность» (group membership categories), подчеркивает зависимость характера общения от таких этно-, социо- и лингвокультурных факторов, как принадлежность к определенному классу, религии, поколению, национальности, геокультурная локация (место рождения), возраст, пол⁴ [Culpeper, 2001].

Дж. Джозеф считает, что понятия, входящие в таксономию Дж. Калпепера, это по своей сути совокупность особенностей каждого человека, связанных с его индивидуальной самоидентификацией (aspects of identity): «Классическое понимание совокупности личностных особенностей индивида учитывает его принадлежность к определенной группе, включая национальность, этническую принадлежность, религию, пол, поколение, сексуальную ориентацию, социальный класс и бесчисленное множество других аспектов» [Joseph, 2013, p. 36]⁵. Далее он постулирует, что в сознании других людей каждое «Я» существует в виде бесчисленного множества «рефракций», преломлений, неизбежно формирующихся у реципиентов»⁶ [Ibid., p. 38].

Основываясь на умозаключениях Дж. Джозефа и Дж. Калпепера, Д. Боусфилд [Bousfield, 2018] приходит к выводу, что следует различать самовосприятие человека (internal versions of identity) и тот имидж себя, который он проецирует в социум (external versions of identity) для «потребления». Отсюда он делает вывод, что «лицо» – это своего рода «точечное» понятие (face is punctual), а личностные особенности – это нечто более постоянное (identity is durable). Лицо каждого коммуниканта конструируется во взаимодействии (вербальном и / или невербальном) с другими людьми и морально-этическими принципами⁷, что, в свою очередь, может незначительно или же, наоборот, кардинальным образом повлиять на индивидуальные черты.

⁴ Калпепер еще не обращает внимания на категорию гендера, но ясно, что ее принятие западной ментальностью в рамках отмены «старых» консервативных культурных кодов на фоне *cancel culture* ставит вопрос о нормах вежливости совсем иначе, через призму *hate language* и *hate speech*.

⁵ Identity relates classically to who individuals are, understood in terms of the groups to which they belong, including nationality, ethnicity, religion, gender, generation, sexual orientation, social class and an unlimited number of other possibilities.

⁶ ...there are countless versions of you out there in the minds of others, each different from the persona you imagine for yourself. Because everyone brings their own experience of life, and of reading other[s] to bear... in interpreting the identity of those we meet.

⁷ Традиционно считалось, что контроль за идеологиями, ценностями и общественными нормами осуществляется институтами власти [Van Dijk, 2010]. Однако в настоящее время их регулирование активно происходит и в социальных медиа, где зачастую инструментом манипулирования поведением людей является культура отмены (движение *cancel culture*): человек или группа подвергаются осуждению за слова или поступки, противоречащие общепринятым нормам, как в сетях, так и в реальном мире. Не признавая, что индивидуальная рецепция практически любой «информации крайне вариативна, поскольку зависит от массы переменных факторов» [Фефелов, 2016, с. 63], так называемые «защитники справедливости», пренебрегая «аналитической деликатностью» [Там же], стремятся навязать обществу удобные для них морально-этические принципы.

Развивая мысль, Д. Боусфилд постулирует, что самовосприятие «Я» конституируется и далее нормируется сочетанием приватного (private) лица, т. е. внутренним миром человека, доступ в который ограничен, и индивидуального (personal) лица, имеются ввиду личностные характеристики «Я» и его понимание внешней среды (у него – competence), а именно способностью адаптироваться к определенным жизненным условиям и ситуациям.

Различные аспекты конкретного лица эксплицитно или имплицитно (для него самого и окружающих) проявляются во взаимодействии (face co-construction), иногда оказывая влияние на более устойчивые составляющие социального имиджа. Как считает Д. Боусфилд, именно они определяют наши антиципации о поведении партнера по коммуникации (в том числе и вербального). Несоответствие этим ожиданиям порождает благодатную почву для резкого выражения несогласия, оскорблений, превратных толкований и других форм некорректного и вызывающего поведения⁸ [Bousfield, 2018, p. 298].

Таким образом, прежний относительно «монолитный» и устойчивый «образ себя» теперь рассматривается многими лингвистами как комплексное образование множества личностных особенностей, динамичных и взаимосвязанных. Наиболее стабильные внешние и внутренние характеристики личности служат основой для антиципации стратегий и тактик (как своих, так и партнера) во время интеракции, в то время как лицо / лица (приватное, профессиональное, групповое и т. д.) проявляются или скрываются по мере развертывания разговора в зависимости от ситуационных параметров.

3. Современные теоретико-методологические решения

Попытки преодолеть всё более вызывающие несоответствия между различными методологическими подходами к анализу вербального поведения, когда ученые, по выражению Крейга, оставляют без внимания выводы своих предшественников и просто предлагают иную интерпретацию уже известных явлений (“are simply offering different takes on the same phenomenon”) [Craig, 1999, p. 122], мало-помалу привели к выработке нового подхода, названного интеракциональным. Он подразумевает теоретические обобщения и выводы, основанные на интерпретации значений, проявляющихся во взаимодействии, и отличается некоторой эклектичностью, поскольку соединяет в себе несколько подходов, среди которых фигурирует так называемая этнография речи, предполагающая (ср.: [Geyer, 2009; Naugh, Watanabe, 2018]) «включенное» наблюдение за поведением коммуникантов, конврсационный анализ, но с опорой на максимально подробную транскрипцию акта коммуникации⁹, а также дискурсивную модель для достоверного отражения процессуальных аспектов общения и его контекстуальных переменных.

Кроме того, акцент в изучении вежливости сместился на нормы и ожидания коммуникантов. М. Теркурафи, например, определяет их как нормативную предсказуемость использования лингвистических форм в определенных ситуациях [Terkourafi, 2005]. Говорящий обращается к когнитивным схемам (фреймам), или, другими словами, к конвенционально закрепленным ассоциациям, представляющим собой обобщенные социокультурные знания о его предшествующих взаимодействиях в аналогичных условиях. Рекуррентность определенных языковых средств в конкретных ситуациях и, следовательно, их соответствие сложившимся нормам поведения и взаимная положительная оценка интерактантами становятся главными критериями для определения пределов вежливого поведения, соблюдения его паттернов. Данная точка зрения получила дальнейшее развитие в трудах М. Сифиану и А. Цан-

⁸ When expectations of face co-construction do not match the interactional realities of face co-construction that we experience, then this can provide fertile ground for disagreement, insults, verbal abuse and other forms of violence.

⁹ Примеры таких транскрипций можно найти в выпусках *Journal of Pragmatics* и *Journal of Politeness* за последние годы.

не. По их мнению, вежливость также диктуется скорее общественными нормами, нежели заботой о сохранении лица¹⁰ [Sifianou, Tzanne, 2010, p. 68].

В этой связи теория вежливости стала четче различать два вида норм: эмпирические (empirical or experiential) и моральные (moral or social) (ср.: [Bousfield, Culpeper, 2008; Haugh, 2010]). Первые складываются в результате опыта индивида, накопленного им в процессе общения с другими людьми, тогда как моральные нормы создаются и предписываются социальными институтами: они не только накладывают определенные ограничения на наше поведение, но и создают конкретные ожидания в отношении поведения собеседника. Однако одним из лимитирующих факторов применения данной теории оказалось использование коммуникантами неконвенциональных лингвистических средств (например, неологизмов) и / или фреймов, получающих сугубо индивидуальную контекстуальную оценку участником общения.

Свой вклад в пересмотр теоретического конструкта, предложенного П. Браун и С. Левинсоном, внесла и Х. Спенсер-Оути, предложив вместо анализа на базе понятия «вежливость», теорию управления процессом взаимопонимания (rapport management). В этом случае процесс общения анализируется через локальные стратегии, не нарушающие нормы общения, а именно: улучшение взаимопонимания (rapport enhancement), поддержание взаимопонимания на определенном уровне (rapport maintenance), пренебрежение гармонией взаимоотношений (rapport neglect) и угроза взаимопониманию (rapport challenge). Эта понятийная база до сих пор активно используется бизнес-менеджерами и консультантами для анализа институционального дискурса, позволяя эффективно рассматривать социальные и индивидуальные аспекты лица, ролевые отношения между интерактантами, взаимодействие интеракциональности (преобладание межличностной ориентации, включая фатическое общение) и транзакциональности (ставящей акцент на информативности коммуникации и достижении ее цели) [Spencer-Oatey, 2000]. Безусловно, в этом случае аналитик должен хорошо ориентироваться в ситуационно-мотивированных нормах поведения в конкретном деловом контексте и иметь представление о взаимных ожиданиях собеседников.

На примере вышеупомянутых работ явно прослеживается стремление авторов уйти от употребления термина «вежливость» в силу его чрезмерно высокой категориальной вариативности, потенциально ставящей под угрозу научность полученных выводов. Тенденция к уменьшению субъективности в исследованиях сохраняется, о чем свидетельствуют теория создания лица и попытки рационализировать ее в ряде аспектов.

Особый интерес у западных лингвистов [Haugh, 2007, Grainger, 2011] вызвала «теория создания лица» (Face Constituting Theory), предложенная Р. Арундейлом [Arundale, 2010], ибо он не рассматривает лицо говорящего и лицо слушающего как независимые, противопоставленные и отдельные понятия, а считает, что они представляют собой совместно конструируемое участниками интеракции проявление общности и индивидуальности. Лицо – это не комплекс личностных характеристик индивида (person-centered attributes) [Ibid., p. 2058], а проявляющееся в интеракции социальное явление (a social phenomenon) [Ibid., p. 2094]. Оно конструируется во взаимоотношениях, складывающихся в процессе взаимодействия, и отражает сложную диалектику черт *индивидуальности* и *социальности* в речевом поведении обоих коммуникантов (“continually address the inescapable dialectic between their individuality and sociality”) [Ibid.].

С позиции коммуникантов во время вербального или невербального взаимодействия лицо всегда находится в одном из трех состояний: оно может подвергаться угрозе (threatening), сохранять статус-кво (stasis) или получать поддержку со стороны собеседника (supportive). В силу этого Р. Арундейл предлагает учитывать при анализе высказываний следующие параметры: 1) интерпретацию продуцируемого высказывания (projected / interpreted face) слушающим; 2) всю предыдущую историю взаимоотношений между партнерами по коммуника-

¹⁰ Politeness may have to do more with social norms and less with face concerns.

ции вплоть до данного момента взаимодействия (*evolving face interpreting*); 3) ожидания поведения собеседника применительно к данной ситуации (*contextual face interpreting*). Центральное место в этой аналитической модели занимает оценка коммуникантом «ситуативного сдвига» (*situated shift*, насколько ожидаемое поведение партнера соответствует данной ситуации в плане сближения / отдаления позиций), т. е. сопоставление второго и третьего параметров с «предлагаемым сдвигом» (*proffered shift*), что предполагает сопоставление смысла продуцируемого высказывания с историей взаимоотношений с собеседником.

Процесс понимания «смысла» (*meaning*) и «действий» (*action*) в интеракции, а следовательно, и лица происходит путем создания «промежуточной версии» (*provisional interpretations*) оценки участниками речевого акта своего собственного поведения. Затем они, опираясь на эту предварительную оценку, вырабатывают ее «рабочий» вариант (*operational interpreting*). Далее каждый коммуникант сравнивает свое понимание происходящего с реакцией собеседника и оценивает его поведение либо как представляющее угрозу, либо как сохранение статус-кво, либо как одобрение¹¹ [Arundale, 2010, p. 2091].

Отмечая, что данный метод может использоваться для анализа общения в любой лингвокультуре, Р. Арундейл, однако, подчеркивает необходимость учета результатов этнографических исследований (т. е. проводимых внутри одной (суб)культуры или социальной группы) для выявления особенностей проявления стратегий отдаления и сближения с точки зрения участников коммуникации¹² [Ibid., p. 2089].

Теоретический подход Р. Арундейла имеет ряд преимуществ. Во-первых, исследуя процесс общения исключительно в динамике, он принимает во внимание *совместные* действия участников интеракции. Во-вторых, он делает возможным анализировать «вежливость» и «уместность» вне ограничительных рамок, налагаемых многочисленными определениями данных понятий. Несмотря на то, что некоторые лингвисты усматривают в терминах «сближение» / «отдаление» сходство со стратегиями позитивной и негативной вежливости П. Браун и С. Левинсона, Р. Арундейл указывает, что его понятия в первую очередь фокусируются не на угрозе лицу индивида или ее отсутствии, а на динамике взаимодействия между партнерами по коммуникации. В-третьих, данная модель позволяет избежать противопоставления вежливости первого и второго порядка, поскольку «лицо», по Р. Арундейлу, – это не индивидуальная система личных потребностей, стремлений и ожиданий (и, следовательно, не предполагает исследование явных или скрытых инференций и имплицатур в общении), а социальный конструкт, проявляющийся во взаимодействии и очевидный как для участников, так и для исследователей. В-четвертых, его теория создания лица заставляет принимать во внимание целый ряд контекстов – лингвистический, социокультурный, прагматический.

Однако, как отмечают критики (ср.: [Culpeper, 2011a; Long, 2016]), теория Р. Арундейла не учитывает некоторых фундаментальных положений когнитивной лингвистики, а именно игнорирует эмоциональную составляющую в обработке информации. Между тем неразрывная связь когнитивного, чувственного и эмоционального аспектов в языке является бесспорным классическим положением психолингвистики. В частности, конвенциональные формулы, могут обрабатываться как сознательно, так и на подсознательном уровне, в то время как вероятность более сложной когнитивной обработки повышается в случае высказываний, противоречащих ожиданиям слушающего, что, безусловно, влияет на характер коммуникации.

Определенным шагом вперед в совершенствовании данной теории можно считать предложение К. Лонга [Long, 2016] рассматривать исследуемые языковые феномены, градуируя их по шкале предсказуемости (от низкой до высокой). Неожиданное (с точки зрения адреса-

¹¹ They then compare their understanding of situated shift with their perception of face as projected by others to arrive at an evaluation of behavior as representing either 'threat,' 'stasis' or 'support' of face in interaction".

¹² "...undertake or employ ethnographically grounded research that establishes how persons in that group understand the dialectic of connectedness and separateness".

та) поведение партнера иногда игнорируется, но непредвиденность может вызвать у слушающего и необычную вербальную реакцию. В связи с этим К. Лонг предлагает различать коррелирующую (с нормами и ожиданиями) и контрастивную салиентность (*correlative and contrastive salience*) [Long, 2016, p. 9], под которой мы понимаем высокую прагматическую значимость элемента в силу его специфического подчеркивания. Обработка речевых фактов, не противоречащих привычным ожиданиям, чаще всего происходит на подсознательном уровне, без активации определенных психических (например, чувственных или эмоциональных) процессов. Интеракция, идущая вразрез с ожиданиями ее участников, наоборот, стимулирует эти процессы, усложняет их реакции, что должно учитываться исследователем при анализе вербального поведения.

Всё больше внимания обращается и на просодический компонент речи вкпе с другими невербальными – кинестическими и такесическими – параметрами; предлагается сделать их неотъемлемой частью интерпретации. Пока их вклад редко учитывается при анализе вербального поведения, несмотря на убедительные выводы о том, что эффект просодических средств часто нейтрализует или даже оказывается более сильным, чем воздействие использованных языковых средств (см. [Culpeper, 2011b; Hidalgo Navarro, 2014; Hubscher et al., 2017; Vergis, Pell, 2020] и др.). Учет таких характеристик, как интонационное оформление, громкость, темп, паузы, высота тона, дифференциация которых, при всей ее практической сложности, позволила бы более точно описать эмоциональный вектор коммуникации. Просодия, выступая источником надежной информации, сигнализирует «об уступчивых, высокомерных, дружелюбных, враждебных установках или каких-нибудь базальных эмоциях»¹³ [Vergis, Pell, 2020, p. 46]. Так, видеоматериалы, бесспорно, могут обеспечить более глубокое понимание ситуации общения.

Выводы

Таким образом, прагматическое переосмысление подходов к анализу (не)вежливого общения прошло довольно извилистый путь от описания изолированных речевых актов некоего абстрактного адресанта, ограниченного в своем выборе (представлениями конкретного ученого о характере данного вида коммуникации) речевых средств в ситуации, определяемой в основном тремя параметрами (социальным статусом, социально-психологической дистанцией и степенью импозиции) до дискурсивно-ориентированного подхода, где роль интерпретатора отводилась не профессиональному лингвисту, а участникам общения. С одной стороны, пока еще не оставлены попытки создания универсальной методологии описания (не)вежливости, системно проявляющейся в коммуникации, но с другой – подвижный и реляционный характер дискурсивных практик, бесконечное многообразие характеристик личностей, динамично влияющих на продуцирование и интерпретацию смыслов, заявляют об уникальности каждой интеракции и неоднозначности ее толкования.

В сосуществующих подходах к методологии анализа вербального поведения среди многих теоретиков наблюдается некоторый консенсус в том, что системное описание и интерпретация общения, если они претендуют на научную достоверность, должны начинаться с определения статуса исследователя, т. е. с указания, кем, в каких условиях, как оно анализируется, какие факторы и детали наблюдатель выделяет как существенные, насколько он знаком с локальными этно-, социо-, лингвокультурными нормами поведения (*community of practice*).

Прослеживаются также тенденции сохранить оперирование концептом «вежливость» только в рамках работы с вежливостью первого порядка (как термина и понятия знакомого рядовым носителям языка) в силу его ненаучности и целого ряда периферийных семантических компонентов, привнесенных из бытовой сферы общения, а также множества вариатив-

¹³ “...communicate inferior, superior, friendly or hostile attitudes or more basic emotions”.

ных трактовок, не позволяющих использовать этот концепт для строго научного описания феномена вежливого общения в разных культурах. Несовершенство существующей на данный момент терминологии для обозначения понятий «вежливость» и «уместность» ведет к тому, что заявленная цель – изучение моделей вежливого поведения (например, на материале фильмов, телепередач, художественных произведений, выборки реплик из диалогического корпуса или экспериментальных интервью) – априори сообщает о рассмотрении лингвистического материала исключительно через призму личного опыта, сложившихся стереотипов и индивидуального понимания исследователем данных универсалий, т. е. через bias¹⁴. Напротив, использование интерпретатором таких менее размытых критериев, как «сближение», «отдаление», «сохранение статус-кво» теоретически позволяет более качественную систематизацию дискурсивных практик и коммуникативных стратегий, принимая во внимание лингвистические средства, оценку *участниками* интеракции вежливости / уместности в общении и его соответствие нормам и ожиданиям, сложившимся в данном социуме. Даже если исследователь является частью группы и включает в анализ данные о личности и компетентности интерактантов, информацию об их социальном имидже, учет интерпретаций общения самими коммуникантами значительно повысит достоверность выводов.

Несмотря на преобладание исследований реального функционирования языка с опорой на текст, можно предсказать больший акцент на анализе паралингвистических средств в изучении коммуникации.

Надеюсь, что наша систематизация принципов анализа (не)вежливого поведения, непрерывно эволюционирующих в зарубежной коммуникативистике с момента зарождения теории вежливости, равно как и методологических модальностей ее применения, окажется полезной для многочисленных отечественных исследователей, проявляющих живой интерес к данной проблематике, но редко учитывающих тот разброс мнений и позиций, который наблюдается в подходах их зарубежных коллег.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.** Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистическая прагматика. 1985. № 16. С. 3–42.
- Винокур Т. Г.** Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: URSS: Книга, 2005. 171с.
- Жеребцова Ю. А., Чижик А. В., Садохин А. П.** Автоматические методы детекции культурных смещений в социальных сетях (на материале диалогов из Telegram) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 54–72. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-54-72
- Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2012. 304 с.
- Ларина Т. В.** Категория вежливости и стиль коммуникации. Языки славянских культур: Рукописные памятники Древней Руси. М., 2009. 507 с.
- Леонтьев В. В.** Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 70–83.
- Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.** Русское коммуникативное поведение. М.: Флинта. 2006. 238 с.
- Тимофеева М. К.** О границах и содержании прагматики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 5–18.

¹⁴ Как справедливо отмечают исследователи [Жеребцова и др., 2021], благодаря интенсивной динамичности информационных потоков в настоящее время очень легко сформировать субъективную и пристрастную точку зрения на проблему, создавая и закрепляя в сознании потребителя информации определенный образ действительности.

- Фефелов А. Ф.** Семантика и прагматика взаимодействия британской и китайской культур в поликодовом тексте документального фильма // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 4. С. 60–80.
- Формановская Н. И.** Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 478 с.
- Arundale, Robert B.** Constituting face in conversation: Face, facework, and interactional achievement. *Journal of Pragmatics*, 2010, vol. 42, no. 8, pp. 2078–2105.
- Bousfield, D.** Face(t)s of self and identity in interaction. *Journal of Politeness Research*, 2018, vol. 14, no. 2, pp. 287–305.
- Bousfield, D., Culpeper, J.** Impoliteness: Eclecticism and Diaspora. An introduction to the special edition. *Journal of Politeness Research*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 161–168.
- Brown P., Levinson, Stephen C.** Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, UK, Cambridge Uni. Press, 1987, 345 p.
- Craig, Robert T.** Communication theory as a field. *Communication Theory*, 1999, vol. 9, no. 2, pp. 119–161.
- Culpeper, J.** Towards an anatomy of impoliteness. *Journal of Politeness Research*, 1996, vol. 25, no. 2, pp. 349–367.
- Culpeper, J.** Language and Characterization. People in Plays and Other Texts. Harlow, Longman, 2001, 328 p.
- Culpeper, J.** “It’s not what you said, it’s how you said it!” Prosody and impoliteness. In: Linguistic Politeness Research Group (Ed.). *Discursive Approaches to Politeness*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011a, pp. 57–83.
- Culpeper, J.** Impoliteness: Using language to cause offence. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2011b, 292 p.
- Dijk, T. A. van.** Critical discourse analysis. In: D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton (eds.). *The Handbook of discourse analysis*. London, 2010, pp. 352–371.
- Eelen, G.** A Critique of Politeness Theories. Manchester, St. Jerome, 2001, 280 p.
- Geyer, N.** Discourse and Politeness: Ambivalent Face in Japanese. *Journal of Sociolinguistics*, 2009, vol. 13, no. 2, pp. 103–134.
- Goffman, E.** Relations in public: Microstudies of the public order. New York, Basic Books, 1971, 396 p.
- Grainger, K.** ‘First order’ and ‘second order’ politeness: Institutional and intercultural contexts. In: Linguistic Politeness Research Group (ed.). *Discursive approaches to politeness*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011, pp. 167–188.
- Grainger, K.** “We’re not in a club now”: a neo-Brown and Levinson approach to analyzing courtroom data. *Journal of Politeness Research*, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 19–38.
- Haugh, M.** The discursive challenge to politeness research: An interactional alternative. *Journal of Politeness Research*, 2007, vol. 3, no. 4, pp. 295–317.
- Haugh, M.** When is an email really offensive? Argumentativity and variability in evaluations of impoliteness. *Journal of Politeness Research*, 2010, vol. 6, no. 1, pp. 7–31.
- Haugh, M.** Epilogue: The first-second order distinction in face and politeness research. *Journal of Politeness Research*, 2012, vol. 8, no. 1, pp. 111–134.
- Haugh, M., Watanabe, Y.** (Im)politeness theory. Chapter 6. *Routledge Handbook of Language in the Workplace*. Routledge, 2017.
- Hidalgo Navarro, A.** (ed.). Special issue: The prosodic expression of linguistic impoliteness in Romance Languages. *Journal of Politeness Research*, 2014, vol. 10, no. 1, pp. 5–27.
- Holmes, J., Meredith Marra and Bernadette Vine.** Politeness and impoliteness in ethnic varieties of New Zealand English. *Journal of Pragmatic*, 2012, vol. 44, no. 9, pp. 1063–1076.
- Hubscher, I., Borrás-Comes, J., Prieto, P.** Prosodic mitigation characterizes Catalan formal speech: The Frequency Code reassessed. *Journal of Phonetics*, 2017, vol. 65, pp. 145–159.

- Joseph, J.** Identity work and face work across linguistic and cultural boundaries. *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*, 2013, vol. 9, no. 1, pp. 35–54.
- Kadar, D., Haugh, M.** Understanding Politeness. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2013, 306 p.
- Leech, G. N.** Principles of pragmatics. London, Longman, 1983, 250 p.
- Long, C.** A social cognitive account of relational work. *Journal of Politeness Research*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 1–26.
- Sifianou, M., Tzanne, A.** Conceptualizations of politeness and impoliteness in Greek. *Intercultural Pragmatics*, 2010, vol. 7, no. 4, pp. 661–687.
- Terkourafi, M.** Beyond the micro-level in politeness research. *Journal of Politeness Research*, 2005, vol. 1, no. 2, pp. 237–262.
- Spencer-Oatey, H.** Culturally speaking. Culture, communication and politeness theory. London, Continuum International Publishing Group, 2000, 383 p.
- Vergis, N., Pell, M.** Factors in the perception of speaker politeness: the effect of linguistic structure, imposition and prosody. *Journal of Politeness Research*, 2020, vol. 16, no. 1, pp. 45–84.
- Watts, R. J.** Linguistic politeness research: Quo vadis. In: Richard J. Watts, Sachiko Ide, Konrad Ehlich (eds.). *Politeness in language: Studies in its history, theory and practice*, 2nd ed. Berlin & New York, Mouton de Gruyter, 2005, 404 p.

References

- Arundale, Robert B.** Constituting face in conversation: Face, facework, and interactional achievement. *Journal of Pragmatics*, 2010, vol. 42, no. 8, pp. 2078–2105.
- Arutyunova, N. D.** History, problems and categories of pragmatics. *New Research in Foreign Linguistics: Linguistic Pragmatics*, 1985, no. 16, pp. 3–42. (in Russ.)
- Bousfield, D.** Face(t)s of self and identity in interaction. *Journal of Politeness Research*, 2018, vol. 14, no. 2, pp. 287–305.
- Bousfield, D., Culpeper, J.** Impoliteness: Eclecticism and Diaspora. An introduction to the special edition. *Journal of Politeness Research*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 161–168.
- Brown P., Levinson, Stephen C.** Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, UK, Cambridge Uni. Press, 1987, 345 p.
- Craig, Robert T.** Communication theory as a field. *Communication Theory*, 1999, vol. 9, no. 2, pp. 119–161.
- Culpeper, J.** Towards an anatomy of impoliteness. *Journal of Politeness Research*, 1996, vol. 25, no. 2, pp. 349–367.
- Culpeper, J.** Language and Characterization. People in Plays and Other Texts. Harlow, Longman, 2001, 328 p.
- Culpeper, J.** “It’s not what you said, it’s how you said it!” Prosody and impoliteness. In: Linguistic Politeness Research Group (Ed.). *Discursive Approaches to Politeness*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011a, pp. 57–83.
- Culpeper, J.** Impoliteness: Using language to cause offence. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2011b, 292 p.
- Dijk, T. A. van.** Critical discourse analysis. In: D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton (eds.). *The Handbook of discourse analysis*. London, 2010, pp. 352–371.
- Eelen, G.** A Critique of Politeness Theories. Manchester, St. Jerome, 2001, 280 p.
- Fefelov, A. F.** Semantics and pragmatics of British and Chinese cultural interactions in the multi-modal text of a documentary. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, vol. 14, no. 4, pp. 60–80. (in Russ.)
- Formanovskaya, N. I.** Verbal Interaction: Communication and pragmatics. Moscow, IKAR, 2007, 478 p. (in Russ.)

- Geyer, N.** Discourse and Politeness: Ambivalent Face in Japanese. *Journal of Sociolinguistics*, 2009, vol. 13, no. 2, pp. 103–134.
- Goffman, E.** Relations in public: Microstudies of the public order. New York, Basic Books, 1971, 396 p.
- Grainger, K.** ‘First order’ and ‘second order’ politeness: Institutional and intercultural contexts. In: Linguistic Politeness Research Group (ed.). Discursive approaches to politeness. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011, pp. 167–188.
- Grainger, K.** “We’re not in a club now”: a neo-Brown and Levinson approach to analyzing courtroom data. *Journal of Politeness Research*, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 19–38.
- Haugh, M.** The discursive challenge to politeness research: An interactional alternative. *Journal of Politeness Research*, 2007, vol. 3, no. 4, pp. 295–317.
- Haugh, M.** When is an email really offensive? Argumentativity and variability in evaluations of impoliteness. *Journal of Politeness Research*, 2010, vol. 6, no. 1, pp. 7–31.
- Haugh, M.** Epilogue: The first-second order distinction in face and politeness research. *Journal of Politeness Research*, 2012, vol. 8, no. 1, pp. 111–134.
- Haugh, M., Watanabe, Y.** (Im)politeness theory. Chapter 6. Routledge Handbook of Language in the Workplace. Routledge, 2017.
- Hidalgo Navarro, A.** (ed.). Special issue: The prosodic expression of linguistic impoliteness in Romance Languages. *Journal of Politeness Research*, 2014, vol. 10, no. 1, pp. 5–27.
- Holmes, J., Meredith Marra and Bernadette Vine.** Politeness and impoliteness in ethnic varieties of New Zealand English. *Journal of Pragmatics*, 2012, vol. 44, no. 9, pp. 1063–1076.
- Hubscher, I., Borrás-Comes, J., Prieto, P.** Prosodic mitigation characterizes Catalan formal speech: The Frequency Code reassessed. *Journal of Phonetics*, 2017, vol. 65, pp. 145–159.
- Issers, O. S.** Communicative strategies and tactics in Russian speech. Moscow, LKI, 2012, 304 p. (in Russ.)
- Joseph, J.** Identity work and face work across linguistic and cultural boundaries. *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*, 2013, vol. 9, no. 1, pp. 35–54.
- Kadar, D., Haugh, M.** Understanding Politeness. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2013, 306 p.
- Larina, T. V.** Politeness category and communication style. Moscow, LRC Publ., 2009, 507 p. (in Russ.)
- Leech, G. N.** Principles of pragmatics. London, Longman, 1983, 250 p.
- Leontyev, V. V.** Linguistic (im)politeness: to the problem of category content. *Ecology of Language and communicative practice*, 2016, no. 1, pp. 70–83. (in Russ.)
- Long, C.** A social cognitive account of relational work. *Journal of Politeness Research*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 1–26.
- Prokhorov, Yu. E., Sternin, I. A.** Russian communicative behaviour. Moscow, Flinta Publ., 2006, 238 p. (in Russ.)
- Sifianou, M., Tzanne, A.** Conceptualizations of politeness and impoliteness in Greek. *Intercultural Pragmatics*, 2010, vol. 7, no. 4, pp. 661–687.
- Terkourafi, M.** Beyond the micro-level in politeness research. *Journal of Politeness Research*, 2005, vol. 1, no. 2, pp. 237–262.
- Timofeeva, M. K.** On the Borderlines and the Scope of Pragmatics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 5–18. (in Russ.)
- Spencer-Oatey, H.** Culturally speaking. Culture, communication and politeness theory. London, Continuum International Publishing Group, 2000, 383 p.
- Vergis, N., Pell, M.** Factors in the perception of speaker politeness: the effect of linguistic structure, imposition and prosody. *Journal of Politeness Research*, 2020, vol. 16, no. 1, pp. 45–84.
- Vinokur, T. G.** Speaker and hearer: verbal behavior options. Moscow, URSS: KomKniga Publ., 2005, 171 p. (in Russ.)

Watts, R. J. Linguistic politeness research: Quo vadis. In: Richard J. Watts, Sachiko Ide, Konrad Ehlich (eds.). *Politeness in language: Studies in its history, theory and practice*, 2nd ed. Berlin & New York, Mouton de Gruyter, 2005, 404 p.

Zherebtsova, Yulia A., Chizhik, Anna V., Sadokhin, Aleksandr P. Automatic Methods for Detecting Cultural Bias in Social Media (Based on Telegram's Dialogs). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 54–72. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-54-72

Информация об авторах

Мария Юрьевна Россихина, кандидат филологических наук, доцент

Инна Ивановна Икатова, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Authors

Maria Yu. Rossikhina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Inna I. Ikatova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 07.09.2021;
одобрена после рецензирования 20.12.2021; принята к публикации 20.01.2022
The article was submitted 07.09.2021;
approved after reviewing 20.12.2021; accepted for publication 20.01.2022*